

Мори Сан

Черная канарейка

18+

Ведьма и суккуб

Мори Сан

Черная канарейка

«Автор»

2026

Сан М.

Черная канарейка / М. Сан — «Автор», 2026 — (Ведьма и суккуб)

Зара — последняя из своего рода. Её брата убили охотники на ведьм, высушив до капли. Обычная магия бессильна. Есть только один способ: вызвать суккуба. Не рыцаря, не воина, а тварь из Бездны, которая питается желанием и выпивает душу по капле. Драмир явился. Взял плату прямо во время ритуала. И остался. Теперь у Зары есть живое оружие в человеческом облике. Он ходит за ней по пятам, дышит в затылок и каждую ночь забирает часть её «я». Но когда охотники приходят снова и увозят ведьму на остров, где женщин превращают в живых кукол для элиты, выясняется страшное: демон не может пройти через магический барьер. Кроме одного способа. Самого грязного. Самого сладкого. Того, после которого она уже не будет прежней. Горячая, жестокая и очень взрослая история о том, как не сгореть, даже если тебя целует сам ад.

© Сан М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мори Сан

Черная канарейка

Пролог

Сосны плакали белым огнем. Снег, искрясь на солнце, слетал с темных ветвей и таял, не долетая до земли. Бронзовая рука с бордовыми когтями обняла мою талию, притянула к мощной груди, и макушки коснулся его подбородок – жест молчаливой покорности, который я приняла как должное. Этот демон был моим. Только моим. Я вырвала его из ада и никогда не отпущу обратно. Если мы и вернемся туда – то только вместе.

Черные свечи трепетали на алтаре, оплывая воском, он застывал каплями, оставляя жирные следы. Я была звигой, черной канарейкой, или, как зовут нас люди, просто ведьмой. Растворяясь в ритуале, я ощутила, как кровь приливает к животу, покалывает ягодицы. Прежде чем перевернуть тонкую страницу книги, я лизнула пальцы и почувствовала на губах шоколадный привкус. Бредовое заклятье, которым наградил меня брат в раннем детстве. Ни мать, ни бабушка так и не смогли его снять. На вкус я была горьким шоколадом, и запах шоколада я перебивала цветочными духами с древесными нотками. Все могло быть куда хуже: он пытался сделать мою кожу черной, но энергии не хватило, зато стремление было так сильно, что заклятье больше не снять никогда и никому. Стоит ли говорить, что с тех пор я ненавижу шоколад?

Я отвлеклась, и заряд ритуала стал таять. Недопустимо терять концентрацию в самой середине – это может убить. Всегда быть готовой к смерти – удел всех звиг, и знать, что смерть не конец, – награда за эту готовность.

Коврик из сандаловых пластин, переплетенных серебряной шерстью, наполнился теплом моих коленей. Я была обнажена, и волосы цвета гривы гнедых лошадей шекотали ступни. Раньше так, на коленях, я стояла с бабушкой, потом с матерью, и каждый раз ритуал приносил нам либо выздоровление, либо силу, либо смерть врага. Теперь я стояла на коленях одна и выбрала четвертый путь. Он давал мне союзника.

Глава 1. Четвертый путь

Воздух в круге стал плотным, как смола. Я чувствовала это каждой клеткой кожи – он здесь. Не за спиной, не в углу комнаты, а прямо здесь, во мне, вокруг меня, в тяжелом дыхании, которое вдруг сбило пламя свечей.

– Покажись, – прошептала я, не разжимая зубов.

Сандаловый коврик под коленями дрогнул. Тьма в центре пентаграммы не разверзлась, не вспыхнула – она просто выдохнула фигуру. Сначала я увидела руки: бронзовый отлив металла на коже, длинные пальцы, заканчивающиеся бордовыми, будто покрытыми лаком когтями. Потом – глаза. В них не было белков, только чернота, в которой горели золотые искры, и смотрели они на меня с такой жадностью, что у меня перехватило дыхание.

Он шагнул через линию пентаграммы, хотя ни один демон не смел этого сделать без приказа, и сжег защиту, как паутину. Я вскинула руку для удара, но он перехватил мое запястье и прижал к своей груди. Я ощутила жар его тела даже сквозь собственную дрожь.

– Не трать силы, звига, – его голос резал тишину, как лед по стеклу. – Ты звала меня не для того, чтобы драться.

Я выдернула руку, оставив на его пальцах царапины от своих ногтей. Кровь? У демонов нет крови. Но на сгибе его ладони выступила темная маслянистая капля, и комнату заполнил запах паленого сахара и железного корня.

– Я звала тебя, чтобы заключить союз, – твердо сказала я, глядя ему в глаза. – Ты будешь служить мне.

Демон склонил голову набок, рассматривая меня. Его взгляд скользнул по моему обнаженному телу, по волосам, разметавшимся по плечам, по пальцам, которые все еще дрожали от напряжения ритуала.

– Ты пахнешь шоколадом, – сказал он вдруг. – Сладкая ведьма. Но в глазах у тебя – полынь. Чего ты хочешь?

Нельзя показывать страх. Нельзя выделять его с потом. Даже мысленно бояться нельзя. Так твердила бабушка, рассказывая о демонах. И вызывать их тоже нельзя, добавляла всегда в конце.

Я шагнула к нему, сокращая расстояние так, чтобы чувствовать этот странный жар, исходящий от его бронзовой кожи. Ладонь легла ему на грудь, туда, где у людей бьется сердце. Под моей рукой было пусто. Тишина. Но когда я подняла глаза, в его черных зрачках полыхнуло золото.

– Мести, – выдохнула я. – Ты знаешь, кто я. Моя семья веками жгла ваши круги и запечатывала ваши рты. Но моего брата убили не люди. Его убили твари, которых выпустил в этот мир охотник на звиг. Он убил моего брата, чтобы забрать его силу. Я хочу, чтобы ты нашел этого человека и притащил его ко мне живым. Я хочу чувствовать, как воняет его страх, прежде чем вырву ему сердце.

Демон молчал. Свечи почти догорели, а у меня затекла шея, но я не опускала головы.

– Ты хочешь любовника или оружие, ведьма? – спросил он наконец, и в его голосе мне послышалась усмешка.

– Я хочу тебя, – ответила я, не раздумывая. – Всего, без остатка. Ты будешь моим клинком и моей стеной. А когда все закончится...

– Когда все закончится, ты отправишь меня в Бездну? – перебил он.

Я мотнула головой, и волосы хлестнули по воздуху.

– Нет. Ты останешься со мной. Навсегда.

Впервые за все время его лицо изменилось. Исчезла хищная насмешка, и под ней проступило что-то древнее, тяжелое, нечеловеческое. Он протянул руку и коснулся моей щеки кончиками ногтей. Осторожно, будто пробуя на вкус.

– Ты даже не спросила мое имя, – сказал он задумчиво.

– Мне все равно, как тебя звали в аду, – ответила я, чувствуя, как от его прикосновения по коже бегут мурашки. – Здесь и сейчас ты мой. Этого довольно.

Он усмехнулся, обнажив клыки, и притянул меня к себе. Я уткнулась носом в его грудь – пахло дымом, железом и далекими звездами.

– Хорошо, – прошептал он мне в макушку, и я почувствовала, как его подбородок коснулся моих волос. – Я принимаю твой договор, звига. Но знай: если ты дрогнешь, если испугаешься того, что я могу сделать, – я сожру тебя и пойду дальше.

Я подняла голову и посмотрела в его черные глаза.

– Дрогнуть? – усмехнулась я, проводя пальцем по его груди, оставляя на бронзовой коже белую полосу. – Я вытащила тебя из ада, демон. И назад не отпущу. Даже если ты сам этого захочешь.

– Как мне называть тебя? – спросила я, все еще стоя в кольце его рук.

– Драмир. А ты, – демон прищурился, словно пытаясь вспомнить название насекомого перед собой, – Зара!

– Брат звал меня Заразой, но как ты узнал имя?

– Я знаю имена всех, мертвых и живых, но память надо напрячь. Ты даже не спросила, кто я в Бездне, – сказал он тихо.

– Мне все равно, Драмир. Я знаю цену вызова. Кровь. Сила. Годы жизни.

Он усмехнулся – медленно, хищно, обнажая клыки.

– Глупая ведьма. Ты вызвала суккуба. Я беру не годы. Я беру душу. Каждый раз, когда мы будем соединяться, я буду пить твою суть. Никто не увидит этого. Только ты будешь чувствовать, как тьма заполняет тебя изнутри. С каждым разом все глубже. Все необратимее.

У меня перехватило дыхание. Мать рассказывала о них. Связь с ними грязна, черна, от нее не отмыться. Они пятнают душу, а не тело.

Но брат... брат мертв, и те, кто его убил, не знают пощады.

– Сколько? – спросила я, сглатывая. – Сколько раз я смогу выдержать, прежде чем стану тобой?

Между нами не осталось расстояния. Я чувствовала жар его тела, как поднимается и опускается его грудь, хотя дыхания не слышала.

– Ты не станешь мной, – прошептал он, касаясь ногтями моего подбородка, заставляя смотреть в глаза. – Ты станешь пустотой. Местом, где когда-то жила Зара. А потом, может быть, через год, может быть, через десять лет, ты просто исчезнешь. Растворишься во мне. И я буду носить твою душу в Бездне вечно.

Я смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри что-то замирает. Не страх – что-то другое, более тяжелое. Я знала, на что иду, когда готовила ритуал. Мать предупреждала: с демонами не договариваются, их призывают только в крайнем случае, когда ничего не жалко. Они лгут. Но я думала, что жертвой будет моя сила, мои годы, моя кровь. А не сама я. Голод в его глазах не лжет. От меня не останется ничего.

– Если я откажусь сейчас? – спросила я, и мой голос прозвучал чужим. – Если скажу: уходи, я передумала?

Драмир не отстранился. Наоборот, его пальцы скользнули по моей шее, и я почувствовала, как под кожей начинает пульсировать что-то чужое.

– Тогда я уйду, – сказал он спокойно. – Ты заплатишь кровью и годами жизни за сорванный ритуал. Твой брат останется неотомщенным. А я вернусь в Бездну и буду ждать следующую глупую ведьму, которой нечего терять. Их всегда много.

Его безразличие меня не обмануло.

– А если я соглашусь?

Его глаза вспыхнули и погасли, на черное дно упала золотая пыль, скрывая голод.

– Тогда ты получишь меня. Всего, без остатка. Твою месть, твою защиту, твоё оружие. А я получу тебя – по кусочкам, по капле, каждый раз, когда ты будешь меня звать. И однажды ты поймешь, что во мне больше тебя, чем в тебе самой. Исчезнуть – это не больно, Зара. Это как засыпать. Просто однажды ты не проснешься.

Я стояла, чувствуя его пальцы на своей шее, и думала о брате. О том, как он смеялся, запрокинув голову. О том, как он учил меня чувствовать магию живых тканей – проводил моей рукой над своим предплечьем, и я ощущала, как под кожей движется кровь. Нашей семьи не стало после его смерти.

– Мне все равно, Драмир. Здесь и сейчас ты мой. Этого довольно.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. Лишь темное, древнее удовлетворение.

– Хорошо, – прошептал он снова, одни и те же слова, словно это часть ритуала. – Я принимаю твой договор, звига. Но знай: первый раз будет сегодня. Прямо сейчас. И когда тьма коснется твоего сердца, ты еще можешь передумать. Отпустить меня. Забыть.

Я подняла голову и посмотрела в его черные глаза.

Он накрыл мои губы своими – жадно, глубоко, и я впервые ощутила вкус демона: горечь, старое вино, пепел и что-то сладкое, тягучее, от чего закружилась голова. Когда он оторвался от меня, комната плыла перед глазами, а в груди, там, где сердце, разливался холод.

– Это только начало, – прошептал он, касаясь губами моей шеи. – Ты еще почувствуешь, как сладко умирает твоя светлая часть.

Вокруг нас затрещали свечи, и черный воск потек быстрее, застывая на полу причудливыми лужами, в которых умирал остаток огня. Ритуал был завершен. Союз заключен.

Я очнулась на полу, на своем коврикe, среди оплывших свечей. Голая и замерзшая.

– Ты будешь вечно моим, – прошептала я, пробуя эти слова на губах, но сейчас они казались пафосными и чужими. Демон исчез. Драмир, – мысленно поправила я.

Босыми ногами я прошлепала к шкафу, натянула махровый халат, порылась в недрах полки и выудила теплые носки. Потом – на кухню, ставить кофе. Надеюсь, все эти усилия хоть немного согреют меня изнутри.

Я забралась на стул с ногами, свернувшись в клубок, лишь бы не касаться ледяного пола. Этот дом достался мне от матери, и осень выстудила его окончательно. Я не заморачивалась с печным отоплением – грелась простеньким закливанием, а иногда разводила камин, смотря по настроению. Но сейчас сил не осталось ни на магию, ни на дрова. Я была высосана досуха.

Вкус кофе привычно мешался с горечью шоколада, не давая забыть. Мой брат всегда был рядом.

– Ну рассказывай, – раздалось вдруг за спиной. Совсем близко. – Кого будем ловить, пытаться и убивать?

Я подпрыгнула и заметалась взглядом по сторонам. Моя любимая кружка – красная, с черной канарейкой, бабушкин подарок – грохнулась на пол и разлетелась вдребезги.

– Не вертись, я в тени. Ты слышишь меня, но видеть не можешь.

Кофе пролился на пол, растекаясь темной лужей среди осколков, а я все сидела на стуле, поджав босые ноги, и смотрела в ту сторону. Бабушка ворчала бы, что битую посуду нельзя оставлять – в нее въедается злоба. Поэтому осколки нельзя брать руками. Но сил подниматься не было. Вместо этого я просто пялилась в одну точку, прокручивая в голове его слова: суккуб, душу, пустоту.

– Ты так и будешь смотреть на черепки, словно они могут рассказать тебе что-то новое?

Голос раздался не со спины, а прямо передо мной, и я дернулась, едва не свалившись со стула. Напротив, на том месте, где минуту назад никого не было, сидел мужчина.

Он был красив. Не той острой, опасной красотой, что мелькнула в круге – бронзовая кожа, черные глаза без белков, когти. Сейчас передо мной сидел... человек. Темные, чуть вьющиеся волосы падали на лоб, челюсть очерчена резко, но не хищно, а скорее так, как рисуют на портретах старых мастеров. Глаза – глубокого карего оттенка, почти черного, но с искрой, которая делала их живыми. На нем была простая рубашка с закатанными рукавами, открывавшая сильные предплечья, и темные брюки. Никаких когтей, никакой бронзы.

– Что... – начала я, но он поднял руку, останавливая.

– Облик, – лениво пояснил Драмир, откидываясь на спинку стула. – С тобой по улицам в моем истинном виде не походишь. Слишком много вопросов. Слишком много желающих проверить, демон ли я или просто странный тип с маникюром.

Он поднес руку к свету, рассматривая собственные ногти – обычные, коротко остриженные. Я заметила, как шевельнулись мышцы на его предплечье. Плавно. Точно.

– А так – просто красивый мужчина, – он перевел на меня взгляд и усмехнулся. – Который, кстати, спрашивает, почему ведьма с такими глазами, как у тебя, сидит в холодной кухне и смотрит на битую посуду.

– Какими глазами? – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

– Золотистыми. С зеленым ободком, – сказал он, чуть прищурившись. – На свету еще и рыжие крапинки. Редкое сочетание.

Я моргнула. Никто никогда не говорил мне такого. Мать говорила «глаза как у отца», бабушка – «светлые, значит, сильные», брат дразнил «лисьими». А этот демон, который должен был пить мою душу, разглядывал меня как диковинку.

– Ты поэтому принял человеческий облик? Чтобы одаривать меня комплиментами? Я не куплюсь, суккуб.

– Чтобы сопроводить, – поправил он. – Ты же хочешь найти убийцу. По свету ходить лучше вдвоем. К тому же, – он склонил голову набок, и взгляд его скользнул по моей фигуре, задержавшись на ключицах, выглядывающих из-под халата, на длину волос, упавших на пол, – я могу быть полезен не только в бою. А ты, надо признать, даже в этом виде неплохо смотришься.

– В каком «этом»? – я машинально запахнула халат.

– Уставшая ведьма с волосами как мед, – он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то темное, прежнее. – Но под этим халатом, я помню, все совсем иначе.

Я вскочила со стула, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Драмир!

– Что? – он даже бровью не повел. – Я тебя видел. Ты меня вызвала обнаженной. Не знаю, как в вашем мире, но в Бездне это считается определенным посланием. Или вы, ведьмы, всегда проводите ритуалы в чем мать родила?

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле, потому что он был прав. Так требовал ритуал. И я не стеснялась этого в тот момент. Но сейчас, под его спокойным, изучающим взглядом, я чувствовала себя так, будто он все еще видит меня без одежды.

– Ты не взял плату, – сказала я, резко меняя тему. – Вчера. Ты сказал, что будешь пить мою суть каждый раз. Но просто поцеловал меня и исчез.

Драмир медленно поднялся со стула. Даже в этом облике он оказался выше меня на голову. Хотя брат в детстве звал меня каланчой. Он сделал шаг, и я инстинктивно откинулась, упершись спиной в столешницу, дальше отступить было некуда.

– Ты думаешь, не взял? – его голос стал тише, и в нем прорезалась та самая древняя, нечеловеческая нотка. Он наклонился, почти касаясь губами моего уха. – Зара. Ты не помнишь?

И я вспомнила.

Это нахлынуло не сразу, а толчками, как рвота после отравы. Темнота. Его руки на моей талии. Мой собственный стон, сорвавшийся с губ, когда он провел когтями по спине – не больно, а так, что я выгнулась дугой. Помнила, как он шептал что-то на языке, которого я не знала, но каждое слово отзывалось внизу живота горячей пульсацией. Помнила, как сама тянулась к нему, забыв про ритуал, про договор, про всё. Как он целовал мои плечи, грудь, живот, и каждое прикосновение вытягивало из меня что-то – не боль, нет, наслаждение, такое острое, что оно граничило с уничтожением.

А потом – провал. Пустота. И утро на холодном полу.

– Вижу, вспомнила, – его голос вернул меня в настоящий момент. Драмир отстранился, но совсем чуть-чуть, и я чувствовала жар его тела через ткань халата. – Я взял плату. Первую. И ты осталась жива. Довольна?

Я попыталась оттолкнуть его, но руки дрожали. Не от страха. От того, что в теле пульсировало воспоминание, чужое и мое одновременно.

– Почему я не помнила?

– Так работает договор, – он пожал плечами и, к моему облегчению, отступил, подходя к окну. – Я забираю часть. Ты забываешь, что именно забрали. Иначе бы сошла с ума от ощущения потери. Но каждый раз ты будешь вспоминать, если я захочу. Или если ты сама захочешь.

– Зачем мне хотеть вспоминать, как меня тра... – я не договорила, суккуб прижал палец к моему рту и огорченно покачал головой.

– Как тебя ласкали? – закончил он спокойно. – И не только. В тот раз я взял не только тело. Я взял кусочек твоей злости. Того жгучего пламени, которое грело тебя все эти месяцы. Ты стала чуть спокойнее.

Я молчала, переваривая.

– Так будет каждый раз? Я не буду помнить, а потом ты будешь внушать мне, что я сама этого хотела?

Драмир обернулся. В его глазах, таких человеческих сейчас, мелькнуло что-то темное, безграничное.

– Каждый раз ты будешь хотеть этого сама. Иначе я не могу взять. Я – суккуб, Зара. Я питаюсь желанием. Если ты не захочешь – я сохну от голода. Или сорвусь и сожру тебя целиком, чтобы не мучиться. Выбор за тобой.

Он подошел к столу, поднял с пола самый крупный осколок кружки и повертел в пальцах.

– Так что, ведьма с золотыми глазами, будешь и дальше задавать вопросы или мы начнем охоту? Мне нравится этот облик, но в нем я тоже голоден. А ты пахнешь шоколадом. Это... дразнит.

Я посмотрела на него, на осколки, на свою дрожащую руку. В груди, там, где раньше горела злость, теперь было странное тепло.

– Иди, – кивнул он в сторону спальни. – А я пока приберусь. Твоя бабушка была права насчет битой посуды.

Я хотела спросить, откуда он знает про бабушку, но промолчала. Развернулась и пошла, чувствуя его взгляд на своей спине. Уже в дверях я услышала:

– У тебя очень красивая линия спины. И я говорю это не как демон, которому нужно поеть. Просто... красивая.

Я не обернулась. Но губы сами собой сложились в усмешку.

Я оделась тщательно, с холодным расчетом. Черное платье-футляр, облегающее, но не вульгарное – с высоким горлом и длинным рукавом. Разрез сзади до середины бедра, когда я иду, мелькает кожа. Волосы распустила – медная грива до поясницы, пусть смотрят и запоминают. Туфли на шпильке, делающие меня выше. Макияж – яркие губы, стрелки, острые, как лезвие. Сверху легкое пальто.

В зеркале на меня смотрела хищница. Живая. Горящая.

– А вот это уже интересно, – раздалось из угла. Драмир сидел на подоконнике, все еще в человеческом облике, и рассматривал меня с откровенным одобрением. – Платье, конечно, не для лаборантки.

– Я еще не лаборантка, – поправила я, застегивая серьгу-гвоздик. – Я иду заниматься. Директор клиники – мужчина. Такие, как он, берут на работу глазами, а увольняют по приказу. Мне нужно, чтобы он меня запомнил. И захотел оставить. Я не хочу там колдовать.

Драмир усмехнулся, спрыгивая с подоконника.

– Разумно.

Я с сомнением оглядела его.

– Ты не можешь идти туда со мной. На собеседование парами не ходят.

Он шагнул ко мне, и его фигура начала таять, растворяясь в воздухе, как дым над остывающей свечой. Я еще видела его лицо – насмешливое, острое, – а через секунду передо мной была только пустота.

– Я стану невидимым, – его голос прозвучал прямо у моего уха, и я почувствовала легкое касание к шее – там, где билась жилка. – Буду рядом. Смотреть. Слушать. Напоминать о себе.

– Не отвлекай, – сказала я, поправляя воротник. – И не дыши мне в ухо, когда я буду говорить с людьми.

– Не обещаю.

Я усмехнулась уголком рта и взяла сумочку. На пороге обернулась – комната была пуста. Но я знала, что он здесь. Чувствовала этот странный жар, который всегда появлялся, когда он был рядом.

По дороге я говорила быстро, но четко, стараясь успеть рассказать все.

– Моего брата убили в его квартире. Выглядело как обычная смерть – сердце остановилось, вскрытие показало истощение. Но я-то знаю.

– Знаешь – что? – голос Драмира звучал со всех сторон, невидимый, вездесущий.

– Я чувствую магию, – я сжала сумочку так, что побелели костяшки. – В его теле не осталось ни капли. Ничего. Той искры, которая есть у каждого человека, даже не умеющего колдовать. Он был высушен. Из него выпили все, до дна. Но снаружи – ни одного следа. Ни ритуальных символов, ни порезов, ни крови. Тот, кто это сделал, знал, как забрать силу чисто.

– Профессионал, – Драмир еле сдерживал смех.

Мне не понравился его тон.

– Или свой, – отрезала я. – Брат работал в этой клинике. Он был пластическим хирургом, лучшим в городе. Ни одного неудачного случая, ни одного осложнения. Люди ехали к нему со всей страны. А секрет был прост – он использовал старые ведьмовские техники. Сращивал ткани, убирал рубцы, менял форму лиц так, что это выглядело как чудо. Но кто-то понял, в чем дело. И решил, что эта сила должна принадлежать ему.

Мы подошли к зданию клиники. Стекло, хром, стерильный блеск. Я остановилась, поправила волосы, расправила плечи.

– Драмир, – сказала я тихо. – Ты можешь просто указать мне на убийцу? Прямо сейчас. Зайти туда и сказать – вот он. И я покончу с этим сегодня же.

Тишина.

– Не могу, – ответил он наконец.

– Почему? – я развернулась к пустоте, но, конечно, никого не увидела.

– Я же говорил. Я знаю имена всех, мертвых и живых. Но память надо напрячь, – в его голосе появилась тягучая ленца. – В Бездне время течет иначе. Воспоминания... они как вода. Чтобы выловить нужное, нужно знать, что ищешь. Сейчас я вижу в этой клинике только размытые силуэты. Дай мне время. Надо приблизиться к ним. Услышать их голоса, почувствовать их запах. Тогда я смогу сказать тебе.

Я смотрела на стеклянные двери, за которыми мелькали белые халаты, и чувствовала, как внутри разгорается знакомое пламя.

– Ты врешь, – сказала я спокойно.

– Возможно, – легко согласился он. – Но ты все равно пойдешь туда. Потому что тебе нужна не просто добыча. Тебе нужно смотреть ей в глаза. Тебе нужно знать, что она страдала. А если я просто назову имя – ты не получишь этого. Будешь сомневаться. Или, что хуже, убьешь невиновного, потому что я ошибся.

Я промолчала.

– Иди, Зара, – его голос коснулся моего уха, как кончики когтей. – Сыграй свою роль. А я буду рядом. И когда ты сама поймешь, кто это... тогда мы поговорим.

Я глубоко вздохнула. Потом поправила волосы, сделала лицо открытым и чуть уязвимым – такое, которое мужчины хотят защитить или завоевать.

– Хорошо, – сказала я, ни к кому не обращаясь. – Сыграем.

В регистратуре меня встретила девушка с идеальной укладкой. Я улыбнулась ей – не той безобидной улыбкой, которую планировала изначально, а другой. Открытой, чуть растерянной, немного деловой.

– Здравствуйте. Меня зовут Зара. У меня собеседование на должность лаборантки.

Девушка скользнула по мне взглядом – платье, волосы, туфли – и в ее глазах мелькнуло что-то вроде ревности. Хорошо. Значит, я правильно оделась.

– Вам в кабинет директора, – сказала она с холодной вежливостью. – Третий этаж, направо по коридору.

Я кивнула и направилась к лифту.

– Он будет смотреть на твои ноги, – шепнул Драмир из пустоты.

– Знаю.

И на губы.

– Знаю.

И на то, как платье обтягивает...

– Драмир.

– Молчу.

Двери открылись. Я выдохнула, впуская в себя спокойствие, и пошла по коридору – медленно, плавно, как учат ведьм с детства: каждый шаг должен приковывать взгляд.

Кабинет директора был в конце коридора. Дверь из матового стекла, табличка с фамилией. Я постучала и вошла без паузы – пусть видит сразу.

Мужчина за столом поднял голову. Лет пятидесяти, ухоженный, дорогой костюм, тяжелый перстень на пальце. Его взгляд прошелся по мне – волосы, платье, ноги, снова лицо. В зрачках мелькнуло удовлетворение.

– Зара? – он поднялся, протягивая руку. – Очень приятно. Мне говорили, что у нас талантливый специалист, но не предупредили, что такой... эффектный.

Я пожала его руку, улыбнувшись той самой улыбкой – открытой, чуть застенчивой, теплой.

– Спасибо. Я очень хочу работать именно здесь. Мой брат много рассказывал о вашей клинике.

– Ваш брат? – он нахмурился, жестом предлагая сесть.

– Артемий, – сказала я, и боль в голосе была настоящей. – Он работал здесь. Пластическим хирургом.

Лицо мужчины изменилось. Стало мягче, участливее.

– Артемий... мы все очень переживали. Блестящий хирург. Такая потеря. Вы его сестра?

– Младшая, – я опустила глаза, позволяя себе на секунду показать уязвимость. – После его смерти мне нужно было... отвлечься. Найти свое место. Я закончила биологический факультет, работала в лаборатории. И когда увидела вакансию...

– Конечно, конечно, – он кивнул, и я поняла, что он уже принял решение. – Мы будем рады видеть вас в команде. Артемий был... особенным человеком. Я уверен, вы унаследовали его талант.

Я улыбнулась шире, вставая.

– Спасибо. Вы не пожалеете.

Он тоже поднялся, и его взгляд снова скользнул по моей фигуре. Это после обсуждения погибшего брата. Но надо терпеть.

– Заполните документы у секретаря. И... Зара, – он сделал паузу. – Если вам нужна будет помощь или просто поддержка. Я всегда открыт для разговора.

– Спасибо, – я коснулась его руки легким, ничего не значащим жестом. – Это много для меня значит.

Я вышла из кабинета и пошла по коридору, чувствуя опустошенность.

– Он не убийца, – шепнул Драмир мне в затылок.

– Я знаю, – ответила я беззвучно, одними губами. – Такие, как он, не умеют пачкать руки.

– Но он будет полезен, – в голосе демона прорезалась усмешка. – Он будет смотреть на твои ноги, открывать двери и отводить подозрения.

– И платить зарплату, – буркнула я.

– Мы не будем работать, – твердо возразил суккуб.

В лаборатории пахло реактивами, стерильностью и чем-то сладковато-химическим. Я стояла у стеллажа с пробирками, делая вид, что изучаю маркировку, когда дверь открылась и внурь вкатился молодой парень в светло-голубой форме медбрата.

– О, новенькая? – он улыбнулся той самой улыбкой, которой мужчины награждают женщин в тесных платьях. – Меня Марк зовут. Ты лаборантка?

– Зара, – кивнула я, протягивая руку. – Сегодня первый день.

Марк пожал мои пальцы чуть дольше положенного и тут же затараторил:

– Ну, ты пришла в удачный день. Операций сегодня нет вообще. Наши два хирурга, Глеб Сергеевич и Константин Викторович, укатили на какую-то конференцию, вернутся только после обеда. Так что у нас штиль. Можешь осваиваться не спеша.

– Два хирурга? – переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. – Третий был моим братом.

Марк чуть помрачнел.

– Ну, Артемий Владимирович... нам так жаль. Очень внезапно. Талантливый был. – Он махнул рукой, переключаясь на привычную легкость. – Но ты не переживай, коллектив у нас хороший. Пойдем, покажу, где что лежит.

Я пошла за ним, слушая вполуха и чувствуя, как невидимое присутствие Драмира движется за мной по пятам. Марк открывал шкафчики, показывал центрифуги, анализаторы, что-то рассказывал про заборы крови и график смен.

А потом демон заскучал.

Я это почувствовала физически – как воздух вокруг стал чуть плотнее, как по позвоночнику пробежал холодок, как в затылок уперся взгляд.

– Скучно, – выдохнул Драмир мне прямо в ухо. – Это твое расследование напоминает мне о причинах, по которым я избегаю смертных миров. Бесконечные разговоры ни о чем. Полки с баночками. Парень, который смотрит на твою задницу, пока ты отворачиваешься к стеллажу. Осталось только действительно начать работать.

Я не дрогнула, продолжая улыбаться Марку, который что-то вещал про правила утилизации биоматериала.

– Терпи, – прошептала я одними губами.

– Не могу, – голос демона стал тягучим, как мед, и в нем появилась та самая нотка, от которой у меня внутри что-то сжималось. – Я голоден, Зара.

У меня перехватило дыхание. Я отвернулась к столу, делая вид, что рассматриваю журнал учетов.

– Сейчас? – прошипела я едва слышно. – Ты собрался это делать здесь? На людях?

– Тихо-тихо, – его голос коснулся моего затылка, спустился по шее, и я почувствовала это как прикосновение – влажное, горячее, невозможное. – Я не собираюсь задирать твое платье посреди лаборатории. Хотя, должен заметить, это было бы эффективно.

– Драмир...

– Я возьму не тело, – прошептал он, и в голосе зазвучала улыбка. Хищная, ленивая, опасная. – Только душу. Совсем чуть-чуть. Как глоток вина на бегу. Никто ничего не заметит. Даже ты будешь выглядеть абсолютно нормально. Просто...

– Что – просто? – я взяла со стола первую попавшуюся пробирку, чтобы занять руки.

– Просто почувствуешь, – его голос опустился ниже, туда, где шея переходит в плечо, и я вздрогнула, хотя он даже не касался меня. – Всего на секунду. Как будто кто-то провел языком по твоему позвоночнику. Как будто внутри тебя что-то раскрылось и впустило холод. Или жар. Или и то, и другое сразу. Ты не знаешь заранее. Я тоже не знаю. Каждый раз по-разному.

Я сжала пробирку так, что она чуть не треснула.

– А если Марк заметит?

– Марк не заметит, – мурлыкнул Драмир. – Потому что твое тело останется здесь. Будешь улыбаться этому мальчику. Будешь кивать, слушать про центрифуги. А твоя душа на одну сладкую секунду прильнет ко мне. И ты будешь чувствовать это всем телом, но никто не увидит. Никто не узнает. Это будет наш маленький секрет.

– Ну так что? – его голос скользнул по моему уху, и я почти физически ощутила язык, очерчивающий край раковины. – Ты же хочешь, чтобы я был в форме? Чтобы я чувал твоего убийцу с первого взгляда? Голодный демон – демон рассеянный. Я могу перепутать запахи. Могу принять невинного за виновного. Могу...

– Хватит, – прошептала я. – Делай.

– Умница, – выдохнул он. – Только расслабься. И не падай. Было бы неловко объяснять медбрата, почему новенькая лаборантка грохнулась в обморок посреди рабочего дня.

Я вцепилась пальцами в край стола. Марк как раз показывал что-то в холодильнике, стоя ко мне спиной.

– ...а здесь у нас хранятся образцы для гистологии, их нужно маркировать особенно внимательно, потому что...

Он обернулся и замер.

Потому что Драмир начал брать.

Сначала я почувствовала его дыхание на своей шее – там, где билась жилка. Потом – прикосновение. Не рук, нет. Что-то другое. Более глубокое. Будто кто-то проник под кожу и гладит мышцы изнутри.

Мои пальцы дрогнули.

– Удержи равновесие, – шепнул он, и в голосе уже не было насмешки – только темное, властное удовольствие.

Я ощутила, как что-то отделяется от меня. Не больно. Скорее, как если бы меня медленно растягивали изнутри, вытягивая нить за нитью. Каждая клетка тела знала, что происходит, но ни одна мышца не дрогнула.

Марк смотрел на меня странно. Взгляд его задержался на моих губах, потом скользнул ниже, и он вдруг сглотнул.

– Так вот, – голос его слегка сел, и он прочистил горло. – Там еще... э-э-э... есть реактивы на верхней полке, но до них лучше не...

Он замолчал, потому что забыл, что хотел сказать. Его зрачки расширились. Дыхание стало чуть глубже. Он провел языком по губам – неосознанно, будто ему вдруг стало жарко в прохладной лаборатории.

А Драмир тем временем пил.

– Ты пахнешь шоколадом, – прошептал он, и я ощутила это на языке. Горький, терпкий вкус, смешанный с чем-то металлическим, древним, голодным. – Но под шоколадом – мед. И что-то жгучее. Я не могу насытиться.

Мои пальцы сжались в кулак, но лицо оставалось спокойным. Я смотрела на Марка и видела, как он меняется.

Он вдруг шагнул ближе – сам не понимая зачем. Потом остановился, смущенно дернул плечом.

– Ты... – начал он и запнулся, потому что его взгляд упал на мои бедра, обтянутые платьем. – Ты как? Не жарко? У нас тут... в лаборатории... иногда...

– Нормально, – выдавила я, чувствуя, как внутри пульсирует то место, которого касается демон. – Надо бы мне халат.

– Да, халат, халат в шкафу, – эхом повторил Марк, но глаза его блуждали. Он снова посмотрел на мои губы. Потом на шею. Потом резко отвернулся к столу, схватил какую-то бумажку, хотя она была совершенно пустой. – Тут... график. Сменный. Надо будет... подписать. Потом. Когда...

Он скомкал бумажку. Развернул. Снова скомкал.

– Сейчас я возьму чуть больше, – предупредил Драмир, и его голос обвил меня, как змея. – Только не вскрикивай. Это будет приятно. Обещаю.

Мир вокруг меня распался на секунду.

Я не видела лаборатории. Не слышала голоса Марка. Только ощущение – как его язык касается чего-то внутри меня, чего-то, что не должно иметь вкуса, но имеет. Как его руки держат мою душу, и это так же интимно, как если бы он держал меня за горло.

Горячая волна прокатилась от копчика до затылка, и я на секунду прикрыла глаза.

Когда я их открыла, Марк стоял напротив, вцепившись в край стола. Лицо его раскраснелось, дыхание стало рваным, а взгляд – такой голодный, что мне стало почти неловко.

– Ты... – прошептал он, и голос его сорвался на хрип. – Ты... боже...

Он провел рукой по лицу, пытаясь взять себя в руки. Не получалось. Его зрачки расширились так, что радужка почти исчезла. Он смотрел на мои губы, на шею, на грудь – и каждый раз его дыхание сбивалось.

– Там еще... – он моргнул, пытаясь сосредоточиться. – Реактивы... на верхней полке... мы... мы не используем... то есть используем, но редко...

Он замолчал. Сглотнул. Посмотрел мне в глаза и тут же отвел взгляд, как нашкодивший мальчишка.

– Извини, – выдохнул он. – Я что-то... не пойму... воздух спертый, да?

Он потянул за воротник формы, открывая шею, и я заметила, как бьется жилка у него на горле.

– Ты как? – спросил он хрипло. – Нормально? Тебе не... не душно?

– Абсолютно, – ответила я, чувствуя, как внутри пульсирует пустота, которую Драмир только что освободил.

Марк кивнул и попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Он сделал шаг назад, потом еще один, наткнулся спиной на стеллаж и едва не сбил колбу с каким-то реактивом.

– Черт, – выдохнул он, ловя равновесие. – Я... наверное, сегодня мало спал.

Он посмотрел на меня снова – и на его лице отразилась целая буря. Желание, которое он не мог объяснить. Смущение, которое делало его красным до корней волос. Страх перед собственными мыслями.

– Ты очень... – начал он и осекся. – У тебя волосы... красивые. И платье... то есть... я хотел сказать...

Он замолчал, поняв, что говорит какую-то чушь, и уставился в пол.

А Драмир за моей спиной рассмеялся – беззвучно, но я почувствовала вибрацию в позвоночнике.

– Смотри, – прошептал он. – Парень тает. А ведь я даже не касался его. Но запах... запах твоего желания разлился по этой комнате, как кровь в воде. Он чувствует. Не понимает что, но чувствует. И хочет тебя. Прямо сейчас. Хочет так, что готов забыть, как его зовут.

– Заткнись, – прошептала я одними губами.

– Не могу, – мурлыкнул Драмир. – Это слишком вкусно. И он, кстати, совсем не в счет.

Марк тем временем опомнился, провел рукой по лицу и выдал из себя подобие профессиональной улыбки.

– Давай я лучше покажу тебе, где у нас документация, – сказал он, но голос все еще дрожал. – А то я тебя... заболтал совсем.

Он пошел к шкафу, но походка у него была неуверенной, и он пару раз запнулся на ровном месте.

Я смотрела ему в спину и чувствовала, как Драмир облизывается где-то за моим плечом.

– Ты закончил? – спросила я одними губами, пока Марк рылся в папках.

– Почти, – в голосе Драмира снова появилась усмешка. – Но я передумал брать всё сейчас. Оставлю десерт на потом. Знаешь, когда мы останемся одни. Чтобы ты могла покричать. В полный голос.

– А Марк?

– А Марк до вечера будет ходить и гадать, почему у него встает, когда он видит новую лаборантку, – в голосе демона звучало неприкрытое удовольствие. – Это безвредно. Даже полезно. Пусть знает, каково это – чувствовать ведьму на расстоянии. Не одному мне мучаться.

Я медленно, очень медленно выдохнула.

– Ты невыносим.

– Я демон, – напомнил он. – Это входит в описание.

Марк обернулся, держа в руках какую-то папку. Его глаза все еще были темными, а щеки – красными. Он посмотрел на меня и сглотнул, явно борясь с желанием сказать что-то, о чем потом пожалеет.

– Вот, – выдавил он, протягивая мне папку. – Тут все... инструкции. Если что – спрашивай. Я... я в соседней комнате буду.

Он почти выбежал из лаборатории, оставив дверь открытой.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в руках бесполезную папку, и чувствовала, как внутри еще пульсирует то место, которого коснулся демон.

– Вкусно, – прошептал Драмир. – Ты даже не представляешь, как.

– Ты так красочно описываешь, что почти представляю, – ответила я, глядя на дверь, за которой скрылся смущенный Марк. – Надеюсь, ты доволен.

– Почти, – голос демона стал низким, вибрирующим. – Но я буду полностью доволен, когда эти хирурги вернутся с конференции. Я готов поработать. Я хочу их понюхать.

Я усмехнулась, поправляя волосы.

– Понимаю. Сил прибавилось. Слушай, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал неприужденно. – Мне вот интересно.

– Мне тоже, – немедленно отозвался он. – Особенно сколько еще этот парень будет приходить в себя после того, как я взял чуть-чуть твоей души. Он сейчас в соседней комнате пытается вспомнить, как дышать.

– Не отвлекайся, – я закатила глаза. – Я серьезно. Что если бы его вызвала не я? Ну, представь. Вместо меня – Марк. Вон тот парень, который только что пытался снять с меня платье глазами.

Тишина.

Потом Драмир издал звук, похожий на поперхнувшийся смех.

– Марк?

– Ага. Или дряхлая старуха, – я улыбнулась, чувствуя, как разговор отвлекает меня от пульсирующей внутри потери. – С мешком морщин и вставной челюстью. Ты бы тоже пришел? Тоже обнимал бы ее бронзовой рукой и шептал про сладкую душу?

Драмир появился у меня перед глазами – сначала контуры, потом лицо, потом вся фигура. Он снова принял человеческий облик, прислонившись бедром к столу, и смотрел на меня с выражением глубочайшего оскорбления.

– Ты сравниваешь себя с...

– Ответь на вопрос, – перебила я, наслаждаясь его возмущением.

Он помолчал секунду, потом медленно улыбнулся. Такая улыбка могла означать что угодно – от искреннего веселья до обещания медленной смерти.

– Зара, – сказал он, наклоняясь ко мне так, что я почувствовала его дыхание на своих губах. – Я – суккуб. Не проститутка. Меня не вызывают по объявлению. Ритуал, который ты провела, твоя обнаженная плоть на сандаловом коврикe – это не смс «приходи, тут скучно». Это призыв. И если бы вместо тебя на коленях стоял Марк...

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то холодное, древнее.

– Я бы явился. Да. Потому что ритуал есть ритуал. Но вместо того чтобы обнимать его за талию и шептать о вечности, я бы высосал его душу через левое ухо за три секунды, оставил бы пустую оболочку и ушел на свободу, даже не попрощавшись.

– А если бы старуха ведьма? – я подняла бровь.

Драмир поморщился с такой гримасой, будто ему предложили выпить теплой мочи.

– Старуха... – он вздохнул, как человек, который вынужден обсуждать неприличные темы за обедом. – Старуха, которая провела ритуал правильно – она получила бы меня. Но получила бы ровно настолько, насколько ей хватило бы сил меня удержать. А сил у старухи, вызвавшей суккуба, обычно немного. Я бы взял плату, оставил бы ей пару лет жизни в деменции и ушел, даже не запомнив ее имени.

– А со мной? – спросила я, чувствуя, как в груди разливается странное тепло.

– А с тобой, – он снова склонился ближе, и его голос стал тихим, вкрадчивым, – с тобой я остался. Не потому что ритуал был сильнее. А потому что ты...

Он замолчал.

– Что?

– Пахнешь шоколадом, – сказал он вместо ответа, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не смогла прочитать. – А еще потому, что когда ты стояла на коленях, голая, с этими своими волосами до пят, и требовала, чтобы я был твоим навсегда – в тебе горело столько ярости, что я почувствовал это еще в Бездне. Марк вызвал бы меня, потому что хочет славы или богатства. Старуха из похоти. А ты вызвала меня, чтобы сжечь мир.

Он протянул руку и кончиком пальца провел по моей щеке. Прикосновение было обжигающе-холодным.

– Таких, как ты, я запоминаю. Таких, как ты, я не отпускаю. Даже если бы ты меня не вызывала – я бы нашел тебя сам. Просто пришел бы, сел в кресло и спросил: «Ну что, ведьма, хочешь сжечь мир?»

Я смотрела в его глаза, черные, с золотыми искрами, и понимала, что он не шутит.

– А если бы я сказала «нет»?

Драмир усмехнулся, отстраняясь.

– Ты бы не сказала «нет». У тебя в крови горит шоколад и ненависть. Ты бы сказала «да» даже собственной смерти, если бы та предложила тебе месть.

– Ты слишком много обо мне знаешь для демона, который только вчера меня встретил, – заметила я.

– Я много знаю о всех, – пожал он плечами, снова становясь небрежным, ленивым. – Но о тебе... о тебе мне хочется знать больше.

– Зачем?

– Чтобы потом, когда ты станешь пустотой и растворись во мне, я мог вспоминать тебя целиком. А не только вкус шоколада на губах.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла о погоде на завтра. У меня перехватило дыхание.

– Ты жуткий, знаешь?

– Я демон, – он улыбнулся, и в улыбке мелькнуло что-то почти нежное.

Я покачала головой, чувствуя, как напряжение последних минут отпускает.

– А если бы я была мужчиной? – спросила я вдруг.

Он рассмеялся – громко, искренне, запрокинув голову.

– Тогда я бы взял тебя по-другому, – сказал он, вытирая выступившие слезы. – Но взял бы точно так же. Потому что дело не в теле, Зара. Дело в том, что горит внутри. А у тебя внутри пожар, который я чувствую за версту.

– И что ты с ним сделаешь? – спросила я, сама не зная, зачем спрашиваю.

Драмир посмотрел на меня долгим взглядом. Потом поднялся, потянулся, и его фигура начала снова таять, растворяясь в воздухе.

– Разожгу, – прошептал он мне в ухо, уже невидимый. – А потом посмотрю, кто сгорит первым. Ты – или мир, который ты хочешь уничтожить.

Я стояла посреди лаборатории, чувствуя его присутствие за спиной, и понимала, что улыбаюсь. Дурацкой, нелепой улыбкой, которая никак не вязалась с черным платьем и жадной убийства.

Хирурги вернулись к обеду. Марк, все еще красный и сбитый с толку, провел меня по коридору к кабинету, где уже слышались голоса – громкие, расслабленные, с нотками праздничного оживления. Дверь была приоткрыта, и оттуда тянуло кофе и мужским одеколоном.

– Глеб Сергеевич, – Марк постучал и заглянул внутрь, – к вам новенькая лаборантка, Зара. Представиться хочет.

– Заводи, заводи! – рявкнул голос с такой радушной интонацией, будто речь шла о распитии коньяка, а не о работе.

Я вошла, чувствуя, как Драмир невидимой тенью скользит за мной, замирает у стены.

В кабинете было двое. Один – лет пятидесяти, коренастый, с густыми седеющими бровями и красным от выпитого лицом. Второй – помоложе, под сорок, поджарый, с хитрой лисьей мордочкой и идеально зачесанными назад волосами. Оба в дорогих костюмах, оба с бокалами – в одном коньяк, в другом что-то прозрачное, явно не вода.

– Ого, – сказал лисьелицый, окидывая меня быстрым взглядом. – А наш отдел кадров наконец-то начал работать. Глеб, ты видел?

– Вижу, – Глеб Сергеевич поставил бокал на стол и протянул мне широкую ладонь. – Глеб. А это Константин Викторович, мой коллега и вечный соблазнитель лаборанток. Ты, главное, не поддавайся.

– Я только представиться, – улыбнулась я, пожимая его руку. – Зара.

– Зара, – повторил Константин Викторович, словно пробуя имя на вкус. – Редкое имя. Красивое.

– Сестра Артемия Владимировича? – вдруг спросил Глеб, и его веселое лицо стало серьезным. – Марк сказал.

Я кивнула, позволяя себе на секунду опустить глаза.

– Да. Я пришла работать... ну, вы знаете. Нужно было место, чтобы отвлечься.

– Царствие небесное, – Глеб перекрестился широким, неловким жестом человека, который делает это редко и по большим праздникам.

Драмир фыркнул мне в ухо.

– Тема был... был мужик что надо. Светлая память.

– Очень неожиданно, – добавил Константин, и в его голосе не было фальши. – Говорят, сердце? В его-то годы. Мы все в шоке были.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри закипает недоумение. Они были обычными. Совершенно, абсолютно обычными. Ни следа магии. Ни отблеска чужой силы. Просто два мужика, вернувшиеся с конференции, чуть навеселе, счастливые, что день прошел без операций.

– Он много о вас рассказывал, – сказала я, продолжая игру. – Говорил, что вы лучшие в своем деле.

– Ой, да ладно, – отмахнулся Глеб, но польщенный румянец пополз на щеки. – Тема сам был лучший. Мы все у него учились. Помнишь, Кость, как он нам первый раз показал ту технику с носом?

– Еще бы не помнить, – Константин мечтательно закатил глаза. – Пациентка так благодарил.

Они засмеялись, и смех был настоящим – теплым, чуть грустным, тем, каким помнят ушедших друзей.

А я стояла и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

– А вы сами... – я облизала пересохшие губы, – вы с ним часто работали вместе? На операциях?

– Постоянно, – Глеб кивнул. – Он был ведущим, мы ассистировали. Последние два года почти каждую неделю. Он столько всего придумал... Я до сих пор его записями пользуюсь.

– Никогда не замечали ничего... необычного? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. – Ну, там, как он это делал?

Оба переглянулись.

– Талант, – сказал Константин твердо. – Чистый талант. Руки золотые, глаз – алмаз. Я двадцать лет в хирургии, но такого чутья не видел ни у кого.

– И еще дисциплина, – добавил Глеб. – Он мог на операции десять часов стоять, не моргнув. Мы выходили мокрые, а он – как огурчик. Говорил, дыхательные практики какие-то делает. Я пытался повторить – чуть не задохнулся.

Они снова засмеялись.

Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как улыбка трескается по краям.

– Что ж, – сказала я, делая шаг к выходу. – Рада была познакомиться. Я пойду, осмотрюсь еще.

– Заходи, если что, – Глеб махнул рукой. – Мы тут почти всегда. Тема нам тебя, считай, доверил. Так что если помощь нужна – не стесняйся.

– Спасибо, – кивнула я и вышла в коридор.

Я шла быстро, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. За мной, как привязанный, двигался демон.

В лаборатории я захлопнула дверь, прислонилась к стене и закрыла глаза.

– Они не убийцы, – сказал Драмир, проявляясь из воздуха. Он стоял напротив, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

– Я знаю, – выдохнула я.

– Совершенно обычные люди. Ни магии, ни следа краденой силы. Тот, что постарше, в молодости пробовал колдовать – купил какую-то книгу, пытался приворожить жену. Ничего не вышло, он забросил. У второго – бабка была знахарка, но дар не передался. Они чисты.

– Я знаю, – повторила я, открывая глаза. – Я вижу.

– Значит, ты ошиблась, – Драмир сказал это без насмешки, просто констатируя факт. – Смерть брата не связана с его работой в этой клинике.

Я медленно сползла по стене, садясь на корточки. Платье натянулось на коленях, волосы упали вперед, закрывая лицо.

– Я так была уверена, – прошептала я. – Так уверена.

– Это нормально, – голос Драмира прозвучал неожиданно мягко. – Ты искала логику. Место, где он был каждый день. Людей, которые его окружали.

– Но его убили не здесь, – я подняла голову. В глазах не было слез – злость не давала им пролиться. – Его убили не коллеги. Не пациенты. Тогда кто?

– Найдешь. Ты – ведьма, которая пахнет шоколадом и горит изнутри. Ты найдешь. Просто не здесь.

Я посмотрела в его глаза.

– Значит, я ошиблась, – сказала я, поднимаясь на ноги. Поправила платье, расправила плечи, убрала волосы за спину. – Значит, я ищу не там.

– Но ты уже начала, – Драмир тоже встал, и теперь смотрел на меня сверху вниз. – Ты вошла в эту клинику. Ты получила работу. Ты познакомилась с людьми, которые знали твоего брата. Это не зря.

– Я потратила день, – отрезала я.
– Ты потратила день, чтобы убедиться, что здесь ничего нет, – поправил он. – Это тоже результат. Теперь ты знаешь, куда не надо идти.

Я посмотрела на него, на его спокойное, почти ленивое лицо, и вдруг поняла.

– Ты знал, что они не убийцы.

– Знал, – он не стал отрицать.

– И позволил мне прийти сюда. Позволил надеть это платье, улыбаться директору, флиртовать с Марком. Позволил надеяться.

– Ты хотела сама, – он пожал плечами. – Ты хотела найти. Я дал тебе эту возможность. Ты нашла – что здесь нет. Теперь мы идем дальше. У нас расследование, – важно добавил он, пряча смех за золотыми искрами в глазах.

– Мы, – я усмехнулась, и в усмешке было мало веселья. – Ты уже говоришь «мы».

– А ты думала, я отпущу тебя одну? – он наклонил голову, и в его глазах мелькнула насмешка. – Я твой, помнишь? Ты вырвала меня из ада и никогда не отпустишь обратно. Это были твои слова.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в дверь постучали.

– Зара? – голос Марка. – Ты там? Я хотел спросить, может, кофе?

Я посмотрела на Драмира. Он уже начал таять, растворяться в воздухе, но успел шепнуть:

– Иди. Пей кофе. Улыбайся. А вечером мы подумаем, куда идти дальше.

– Я не умею ждать, – прошептала я в ответ.

– Придется научиться, – его голос коснулся моего уха, как поцелуй. – Месть не терпит спешки. Она любит, когда ее готовят медленно. Как хорошее блюдо. Иди, Зара. Я буду рядом.

Я выдохнула, открыла дверь и улыбнулась Марку.

– Кофе? С удовольствием.

Он просиял, и я пошла за ним по коридору, чувствуя, как за спиной движется невидимая тень. В голове уже крутились новые мысли, новые планы, новые вопросы.

Если не клиника – то что? Если не коллеги – то кто?

Мы вышли из клиники, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая стеклянные фасады в рыжий цвет. Я шла быстрым шагом, сжимая в руке сумочку, и чувствовала, как напряжение дня медленно отпускает мышцы.

– Я голоден, – объявил Драмир из пустоты.

– Ты всегда голоден, – отрезала я, не замедляя шага.

– Сейчас я голоден по-человечески, – в его голосе появилась капризная нота. – Ты не представляешь, как утомительно целый день вдыхать запахи еды, которую не можешь съесть. Этот Марк принес свои дурацкие бутерброды с ветчиной и жевал их прямо в коридоре. Я чуть не проявился, чтобы отобрать.

Я фыркнула.

– Демон, который ворует бутерброды у медбрата. Величественно.

– Поэтому я предлагаю поступить цивилизованно, – он проявился рядом – сначала контуры, потом лицо, потом вся фигура в человеческом облике, такая же невозмутимая и красивая, как утром. – Вон там, – он кивнул на угол, где из-за старинного фасада выглядывала вывеска с золотыми буквами. – Ресторан. Дорогой. Значит, еда там приличная.

Я остановилась и посмотрела на него с подозрением.

– У тебя есть деньги?

– У тебя есть деньги, – поправил он с улыбкой. – Ты ведь не просто так взяла с собой ту самую сумочку, в которой лежит кредитка твоего брата.

Я прищурилась.

– Ты не мог этого видеть. Ты был невидимым.

– Я всегда все вижу, – он пожал плечами. – Идем? Я обещаю вести себя прилично.

Ресторан оказался тем местом, куда я никогда не зашла бы сама. Мраморные столики, тяжелые шторы, хрустальные подвески на люстрах, официанты в белых перчатках. Драмир заказал столик у окна, говорил с метрдотелем так, будто делал это всю жизнь, и даже нашел момент, чтобы отодвинуть мне стул.

– Ты умеешь быть почти человеком, – заметила я, разворачивая салфетку.

– Я умею быть кем угодно, – он сел напротив, взял меню и углубился в него с видом гурмана. – Это вопрос практики.

Я смотрела, как он листает страницы, и ловила себя на мысли, что в полумраке ресторана его человеческое лицо кажется почти настоящим. Почти родным.

– Что будешь? – спросил он, не поднимая глаз.

– Я не голодна.

– Ты должна есть, – он поднял взгляд, и в его черных глазах мелькнуло что-то твердое.

– Ты отдала мне часть души сегодня утром. Телу нужно восстановиться. Или ты хочешь грохнуться в обморок перед убийцей, когда мы его найдем?

Я хотела возразить, но он уже подозвал официанта и начал заказывать. Говорил быстро, уверенно, с акцентом, который становился заметнее, когда он произносил названия блюд.

– И бутылку красного, сухого, – закончил он, закрывая меню.

Официант кивнул и исчез.

– Ты ешь обычную еду? – спросила я, когда мы остались одни.

– А что тебя удивляет? – Драмир откинулся на спинку стула, разглядывая меня с ленивым интересом.

– Ты демон. Я думала, вы питаетесь... ну, не знаю. Страхом. Желанием. Душами.

– Питаюсь, – согласился он. – Но я также люблю хорошо поесть. Это не взаимозаменяемо. Как у вас – вы же не перестаете дышать, когда едите? Вот и я могу и то, и другое. Просто человеческая еда дает мне... форму. Позволяет дольше оставаться в этом облике.

– И что ты чувствуешь? – мне стало любопытно. – Вкус?

– Ну, – он задумался, подбирая слова. – Представь, что всю жизнь ты пила воду из-под крана, а тут тебе дали минералку с газом. Вроде то же самое, но бьет по носу, шипит, щиплет язык. Вот и у меня так. Для вас это просто стейк, а для меня – целое событие. Я ем редко. Поэтому только в хороших местах.

Я усмехнулась.

– Поэтично.

– Я старался, – он подмигнул.

Принесли вино. Драмир поднес бокал к свету, понюхал, сделал глоток и одобрительно кивнул.

– Ты умеешь, – признала я, тоже отпивая. Вино было терпким, с горчинкой, и оно странно сочеталось с привкусом шоколада, который не исчезал с губ.

– Я много чего умею, – он поставил бокал и посмотрел на меня в упор. – Расскажи мне о ритуале.

– О каком?

– Который вы проводили с матерью. После смерти брата. Ты сказала, что читала заклинание на поиск убийцы.

Я замерла, вино вдруг потеряло вкус.

– Ты подслушивал мои мысли?

– Ты говорила это почти вслух, когда мы шли от клиники, – он усмехнулся. – Думала достаточно громко.

Я поставила бокал и уставилась в окно, где зажигались вечерние огни.

– Да. Мы пытались. Мать пришла ко мне через три дня после того, как нашли тело. Мы встали в круг, читали заклинание крови. Самый сильный поисковый ритуал, который знала наша семья.

– И ничего?

– Ничего, – я провела пальцем по краю бокала, слушая, как звенит хрусталь. – Ни отклика. Ни образа. Ни даже намека на направление. Как будто того, кто это сделал, не существовало. Или...

– Или он был закрыт, – закончил Драмир. – Сильной магией. Кем-то, кто умеет прятаться. Я подняла на него глаза.

– Мать сказала, что такое возможно, только если противник сильнее нас обоих. Вместе взятых. А мы – не слабые ведьмы.

Драмир молчал, крутя в пальцах ножку бокала. В полумраке ресторана его лицо казалось вырезанным из слоновой кости – красивое, холодное, породистое.

– Твой брат был сильным колдуном? – спросил он.

– Очень, – я кивнула. У него был дар к медицине – он мог чувствовать ткани, кости, сосуды. Как будто видел их насквозь. Мать говорила, что из него вышел бы великий целитель, если бы он не выбрал путь пластической хирургии.

– Он выбрал деньги, – Драмир усмехнулся, но без осуждения.

– Он выбрал жить среди людей, – поправила я. – Как и все мы. Моя семья... мы не из тех ведьм, что живут в лесах и собираются на шабашах.

– Ковен? – Драмир подался вперед, и в его глазах мелькнуло что-то живое, заинтересованное.

Я помолчала, решая, сколько рассказать. Демонам не стоит знать все секреты ведьм.

– Бабушка была в ковене. Старом, сильном. Но когда она умерла, мать вышла. Сказала, что это место не для нас. Слишком много политики, слишком много лжи. Мы стали жить как обычные люди. Ну, почти обычные.

– А ты?

– А что я?

– Ты хотела быть в ковене?

Я улыбнулась, вспоминая.

– В детстве – да. Бабушка брала меня с собой иногда. Там было... интересно. Сильные ведьмы, древние ритуалы, власть. Но потом я увидела, как они делят силу после смерти одной из старейшин. Грызлись, как собаки за кость. Мать тогда сказала: «Сила без чести – это просто оружие. А оружие всегда найдет того, кто захочет его применить».

Драмир слушал, не перебивая, и в его взгляде было что-то новое – не насмешка, не голод, а что-то похожее на уважение.

– Мудрая женщина, – сказал он.

– Была, – я сделала глоток вина, снова чувствуя горечь. – Она умерла через год после брата. Сказали, что сердце не выдержало. Но у ведьм так не бывает. Самоубийство, – я пожала плечами. – Она не смогла жить без него.

– Поэтому ты пошла на ритуал призыва, – тихо сказал Драмир. – Поэтому ты вызвала меня. Потому что мать не смогла. А ты не хочешь умирать, не попробовав.

– Я не хочу умирать, пока враг жив, – поправила я. – А после... после мне все равно.

Драмир смотрел на меня долго, очень долго. Так смотрят на сложные заклинания, пыта- ясь понять, сработают они или взорвутся в руках.

– Твой противник силен, – сказал он наконец. – Если он смог скрыться от поискового ритуала, который вы проводили с матерью – это уровень. Не просто сильный колдун. Кто-то, кто знает вашу семью. Знает ваши слабые места.

Я сжала бокал, чувствуя, как внутри поднимается злость.

– И что мне делать? Сидеть и ждать, пока он сам объявится?

– Нет, – Драмир откинулся на спинку стула. – Ты будешь искать. Но не вслепую.

– Тогда помоги мне, – я подалась вперед. – Если не клиника – то что? Где искать?

Драмир молчал, глядя на огонь свечи, мерцающий между нами. Потом спросил:

– Где твой брат брал силу для операций? Ты сказала, он использовал старые ведьмовские техники. Но чтобы менять плоть, нужна не только техника. Нужна энергия. Много энергии.

Я задумалась.

– Он... он говорил, что научился черпать из земли. Как бабушка. Стоял босиком в лесу, чувствовал корни, камни, воду.

– Это дает силу, – кивнул Драмир. – Но не такую, чтобы творить чудеса на операционном столе каждый день. Откуда он брал остальное?

Я покачала головой, чувствуя, как внутри зарождается холодное подозрение.

– Он не говорил. Говорил, что это его секрет. Что он нашел способ...

Я замолчала, потому что вдруг вспомнила.

– Что? – Драмир подался вперед.

– За месяц до смерти он был странным. Возбужденным. Говорил, что сделал открытие. Что больше не нужны ритуалы, что он нашел источник. Бесконечный источник силы.

– И ты не спросила, какой?

– Спросила, – я жала бокал так, что вино забурлило, с меня вылилось немного силы. – Он сказал: «Сестренка, тебе это не нужно. Я позабочусь о нас двоих».

Драмир откинулся на спинку стула, и в его глазах зажглись золотые искры – как тогда во время ритуала, нечеловеческие.

– Он нашел что-то, – сказал демон медленно. – Или кого-то. Кто дал ему силу. А потом тот, кто дал, решил забрать ее обратно. Вместе с жизнью твоего брата.

– Ты думаешь, это был не охотник на звиг, – прошептала я. – Ты думаешь, это был кто-то из наших.

– Я думаю, – Драмир накрыл мою руку своей, и его пальцы были обжигающе-холодными, – что твой брат заключил сделку. А расплата по сделкам – это то, что я понимаю лучше всех.

Я смотрела на его руку, лежащую на моей, и чувствовала, как внутри поднимается давно забытая эмоция. Не страх. Не ярость. Благодарность.

– Что мне делать, Драмир?

– То, что ты уже делаешь, – он спокойно наполнил мой бокал снова. – Искать. Спрашивать. Копать. Твой брат был осторожен, но он не мог скрыть все. Где-то есть след. Деньги, которые он заплатил. Люди, с которыми он говорил. Места, которые он посещал в последние месяцы.

– Он ни с кем не говорил, – я покачала головой. – Он был затворником. Только работа и дом. И девушки из людей. Брат не любил чужих звиг.

– Тогда место, – Драмир поднял бокал, и в его глазах отразился огонь свечи. – Где он черпал силу. Тот самый бесконечный источник. Найди его – и найдешь того, кто убил твоего брата.

Я смотрела на него, и в голове уже крутились новые мысли. Квартира брата. Его вещи. Его записи. Я была там после смерти, но была слепа от горя. Может быть, сейчас я увижу то, что пропустила тогда.

– Мы поедем к нему домой, – сказала я. – Завтра. Посмотрим его вещи.

– Мы, – Драмир улыбнулся, и в улыбке мелькнуло что-то почти нежное. – Мне нравится, как это звучит.

Дом встретил нас тишиной и запахом сухих трав, которые бабушка развешивала по углам много лет назад и которые, казалось, въелись в стены настолько глубоко, что никакое время не

могло их выветрить. Я скинула туфли у порога, чувствуя, как босые ноги касаются холодного деревянного пола, и это прикосновение реальности, лишенной всякой показной красоты, вдруг показалось мне самым правильным, что случилось со мной за сегодняшний день, полный притворства и фальшивых улыбок.

Драмир проявился из темноты уже в человеческом облике, когда я включила свет на кухне, и прислонился плечом к косяку, наблюдая за тем, как я наливаю себе стакан воды, с таким видом, будто я была самым интересным зрелищем, которое он видел за последние несколько столетий.

– Твой дом пахнет смертью, – сказал он спокойно, без той провокационной насмешки, которая обычно сопровождала его замечания. – Не твоей смертью. Смертью тех, кто жил до тебя. Твоя бабушка. Твоя мать. Они все еще здесь, знаешь? Не как призраки, нет. Как отпечатки пальцев на стекле, которое никто не протирал годами.

Я поставила стакан на стол и повернулась к ним.

– Я знаю, – ответила я, и мой голос прозвучал тише, чем я ожидала. – Иногда я просыпаюсь ночью и слышу, как бабушка ворчит на кухне, что я неправильно завариваю травы. Или как мать смеется в гостиной. И на секунду я забываю, что их нет, и мне хочется встать и пойти к ним, рассказать, что случилось за день, спросить совета. А потом я вспоминаю. И это каждый раз убивает меня заново.

Драмир молчал, и я впервые видела его таким – без привычной ленивой усмешки, без хищного прищура, без той отстраненной насмешки, которой он обычно прикрывался, как щитом. В его глазах, в которых сейчас почти не было золотых искр, плескалось что-то другое – что-то, что я не решалась назвать сочувствием, но что очень сильно на него походило.

– Ты поэтому пошла на ритуал, – сказал он наконец, и его голос был тихим, почти бережным. – Не только из-за брата. Ты осталась одна. Совсем одна. В доме, который помнит всех, кроме тебя. И ты вызвала меня, потому что тебе было нужно не только оружие. Тебе нужно было чье-то присутствие. Даже если это присутствие будет пить твою душу по капле.

Я хотела возразить, хотела сказать, что он ошибается, что я сильная, что мне ничего не нужно, кроме мести, что я справлюсь сама, как справлялась все эти месяцы, – но слова застряли в горле.

– Может быть, – выдавила я, отворачиваясь к окну, чтобы не видеть его лица. – Может быть, я просто устала быть одна в доме, где каждый угол напоминает о тех, кого я потеряла. Какая разница? Ритуал свершился. Ты здесь. И ты не уйдешь, пока я не стану пустотой, которую можно будет носить в Бездне как сувенир.

– Не говори так, – сказал Драмир, и в его голосе вдруг прорезалась резкая, почти жесткая нотка, которая заставила меня обернуться. – Ты не станешь пустотой. Я сказал тебе так в ночь ритуала, потому что хотел напугать, проверить, насколько сильно твое желание. Но я не собираюсь высасывать тебя до дна, Зара. Я не голодная тварь, которая жрет всё, что видит. Я – суккуб. Я питаюсь желанием, а не смертью. И пока ты хочешь жить, пока ты хочешь мстить, пока ты хочешь меня – я буду брать ровно столько, чтобы ты не сгорела, но оставалась собой.

Я смотрела на него, и в груди у меня разливалось что-то теплое, слабое, опасное, что я не решалась назвать облегчением, потому что облегчение означало бы, что я ему поверила, а верить демону было самым глупым, что может сделать ведьма.

– Ты обещаешь? – спросила я, и мой голос прозвучал по-детски наивно.

Драмир шагнул ко мне, сокращая расстояние между нами до одного короткого, напряженного вдоха, и я почувствовала его запах – дым, железо, далекие звезды и что-то еще, что было только его, демоническое, древнее, пугающее и притягательное одновременно.

– Я обещаю, – сказал он, и в его тоне не было той легкой, скользящей интонации, которой он обычно пользовался, когда говорил о договорах, сделках и условиях, – была только тяжесть, вес, почти физически ощутимая сила, с которой демон скрепляет свои слова. – Клянусь своей

сутью, своей памятью и той тьмой, из которой я рожден: я не заберу у тебя больше, чем нужно, чтобы ты могла идти. И когда мы найдем убийцу твоего брата, когда ты сделаешь с ним то, что должна сделать, у тебя будет выбор. Остаться со мной или прогнать меня. И я приму любой твой ответ.

Я не знала, что сказать на это. Вместо ответа я сделала то, что казалось единственно правильным в этот момент, – я потянулась к нему, обхватила его лицо ладонями, чувствуя под пальцами гладкую, обманчиво-человеческую кожу, за которой скрывалась бездна, и поцеловала его сама, без принуждения, без ритуала, без договора – просто потому, что мне этого хотелось.

– Ты пахнешь шоколадом, – прошептал он, отрываясь от моих губ и спускаясь поцелуями к шее, к ключицам, к груди, и его язык оставлял на моей коже влажные, горячие дорожки, которые пульсировали в такт моему сердцу. – Я думал, что привыкну к этому запаху за день, но он только становится сильнее. Или это не шоколад, а ты сама, ведьма? Твоя кровь, твоя кожа, твое желание – всё пахнет так, что я готов забыть, кто я и зачем пришел в этот мир, только бы пить тебя вечно.

Он не стал ждать ответа. Его губы накрыли мои, и поцелуй оказался совсем не таким, как в ночь ритуала – тогда было жадно, торопливо, исступленно, будто мы оба боялись, что это мгновение рассыплется, не успев начаться, – а теперь он целовал меня медленно, глубоко, с таким тщательным, почти клиническим вниманием к каждому движению моего языка, к каждому сорвавшемуся с моих губ звуку, что у меня подкосились колени, и я оказалась прижатой спиной к стене, чувствуя сквозь тонкую ткань платья холод штукатурки и жар его тела, которое, казалось, горело изнутри ровным, ненасытным огнем.

– Я хочу слышать тебя, – прорычал он мне в шею, одновременно разрывая ткань платья с такой легкостью, будто она была сделана из паутины, и его пальцы, уже не человеческие, а с когтями, которые он перестал скрывать, скользнули по моему животу, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться и выгибаться навстречу этому прикосновению. – В прошлый раз ты стонала так, что стены дрожали, но потом забыла. Я хочу, чтобы ты запомнила это. Каждый звук. Каждое движение. Каждую секунду того, как я буду забирать тебя по кусочку.

Он подхватил меня под бедра, приподнимая, и я обхватила его ногами за талию. Я чувствовала, что это безумие – хотеть демона, который медленно убивает тебя, с такой первобытной, животной силой, но мысль тут же растворилась, когда он вошел в меня одним резким, глубоким движением, от которого я вскрикнула и вцепилась ногтями в его спину, чувствуя, как он заполняет меня не только телом, но и той самой тьмой, о которой предупреждал.

Драмир замер на мгновение, давая мне привыкнуть к своей глубине, и его дыхание было горячим, рваным, а глаза, в которых исчезли последние следы человеческого, смотрели на меня с такой жадной, голодной сосредоточенностью, будто он впитывал каждую мою эмоцию, каждую дрожь, каждый спазм, сжимающий его внутри меня.

– Смотри на меня, – приказал он, начиная медленное, размеренное движение, от которого моя голова откинулась назад, ударившись затылком о стену, но я даже не почувствовала боли, потому что всё мое существо сосредоточилось там, где он двигался во мне с неумолимой, почти жестокой нежностью, растягивая, наполняя, заставляя каждую клетку моего тела кричать от удовольствия, которое было слишком острым, чтобы быть просто физическим. – Не закрывай глаза. Ты хотела меня всего – получай. Смотри, как я беру свое.

Я смотрела, и в его расширенных зрачках, в которых вместо белков теперь плескалась крошечная тьма, я видела собственное отражение – растрепанную, с прикушенной губой, с телом, выгнутым дугой навстречу каждому толчку, и в этом отражении не было ничего от той холодной хищницы, которая утром наносила стрелки перед зеркалом, собираясь на охоту, – там была только женщина, которую брали, которой владели, которую медленно, сладко уничтожали изнутри.

Он ускорился, и ритм стал жестче, глубже, каждый толчок отдавался во мне пульсирующей волной наслаждения, смешанного с чем-то еще – с тем самым чувством потери, которое он описывал, когда говорил, что забирает мою суть, – и я чувствовала, как что-то во мне начинает отслаиваться, отделяться, утекать к нему через каждое прикосновение, через каждый поцелуй, которым он покрывал мою шею, мои ключицы, мои соски, сжимая их губами и посасывая с такой силой, что я выгибалась и стонала, не в силах сдерживаться.

– Еще, – выдохнула я, сама не понимая, о чем прошу, – и Драмир послушно ускорился, перехватывая мои бедра так, чтобы входить еще глубже, и я почувствовала, как низ живота сводит судорогой предвестника разрядки, как всё внутри меня сжимается вокруг него, пытаюсь удержать, не отпустить, вобрать в себя навсегда.

– Сейчас, – прорычал он, и в его голосе уже не было ничего человеческого – только древнее, всепоглощающее удовлетворение хищника, который наконец получил то, что хотел. – Я возьму это. Всё. До капли. И ты позволишь.

Оргазм накрыл меня как волна – неожиданно, сокрушительно, заставляя тело выгнуться дугой, а горло издать звук, похожий на сдавленный крик, – и в тот же момент я почувствовала, как он вздрогнул внутри меня, и вместе с этим финальным толчком из меня выходит что-то еще, что-то неосознанное, но весомое, какая-то часть, которая была моей с рождения и вдруг исчезла, растворилась в нем, стала его, оставив после себя пустоту, зияющую, холодную, непривычную.

Я сползла по стене, когда он осторожно опустил меня на пол, и ноги мои подкосились, не в силах держать вес собственного тела, – пришлось опереться на него, чувствуя, как его рука обнимает мою талию, поддерживая, не давая упасть, и как его пальцы, снова ставшие человеческими, гладят мои волосы с неожиданной нежностью.

– Ты как? – спросил он тихо, и в его голосе не было ни насмешки, ни торжества – только странная, теплая забота, от которой у меня сжалось сердце.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь понять, что изменилось, и ужаснулась, когда поняла.

Гнев, который жег меня последние месяцы, который был моим топливом, моей движущей силой, моей причиной дышать и вставать по утрам, – он стал тише. Не исчез, нет, но превратился из бушующего пламени в ровный, спокойный огонь, который больше не требовал немедленного выхода, не толкал меня в спину с криком «сделай это сейчас, убей, отомсти». Я больше не чувствовала себя загнанным в угол зверем. И это было страшнее, чем любая боль.

– Моего гнева стало меньше, – прошептала я, глядя в его глаза, и в моем голосе прозвучало то, чего я никогда не позволяла себе, – уязвимость, почти детский страх перед тем, что происходит с моим собственным «я». – Я не чувствую его так, как раньше. Он... он стал спокойнее. Как будто ты вынул стержень, на котором всё держалось.

Драмир молчал долгую минуту, и я видела, как что-то меняется в его лице – исчезает расслабленная сытость, появляется серьезность, почти озабоченность.

– Я брал твою суть, Зара, – сказал он наконец, и его голос был глухим. – Часть твоей ярости, часть твоей боли, часть твоей одержимости. Они теперь во мне. Это делает тебя сильнее в одном смысле – ты не сгоришь заживо от собственного пламени, не совершишь ошибок, которые диктует слепая ненависть, – и слабее в другом. Потому что гнев был твоим компасом. А без компаса трудно идти в нужную сторону.

Я смотрела на свои руки, которые всё еще дрожали, но уже не от напряжения, а от той пугающей пустоты, которая разливалась в груди, и понимала, что он прав.

– Я не хочу меняться, – сказала я, и голос мой дрогнул. – Я хочу быть собой. Злой. Живой. Горячей. А ты делаешь меня... другой. Спокойной. Как будто во мне что-то умерло.

Драмир опустил передо мной на корточки, так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и его ладонь легла на мою щеку, пальцы осторожно коснулись скулы, стирая дорожку,

по которой, как я с удивлением поняла, текли слезы – тихие, беззвучные, которых я даже не заметила.

– Ты не становишься другой, – сказал он медленно, и в его словах было столько убежденности, что я почти поверила. – Ты становишься чище. Я убираю то, что мешает тебе видеть. Гнев застилает глаза, Зара.

Он погладил меня по волосам. И жест показался небрежным.

– Пришло мое время платить по счетам. Я взял много и пока не дал ничего. Директор клиники не так прост. В свое время он заключил сделку с ведьмой, благодаря чему и добился успеха. Когда пришло время расплаты, он сдал ее охотникам. Но сам, не зная того, навел их на след твоего брата.

– Откуда он знает и тех, и других? – поразилась я. – Обычно либо одна сторона, либо другая. И почему ты молчал!

– Не хотел серьезную ведьму. Хотелось растерянную. Прости, я гурман.

От прежнего очарования не осталось и следа. Я почувствовала себя обманутой. Значит, и остальные его обещания – ложь. Может, ему не хотелось испуганную ведьму, а хотелось уверенную...

– Не злись, Зара, они уже идут. Лишь чудом они не вышли на тебя сразу, но теперь жди гостей. Твоего брата они боялись, поэтому продавали ему энергию, заманивая в ловушку. А вот ты им не страшна. Они придут сразу, прямо сюда, по твоим следам.

– Откуда директор узнал об охотниках? – упрямо повторила я вопрос.

– Его дед был из их братии. Люди плотно связаны с вашим миром, как бы вам ни хотелось другого.

Драмир вдруг принялся по-собачьи, даже верхняя губа слегка приподнялась, и уставился в стену, словно мог видеть сквозь нее. Этот жест вызвал во мне отвращение, словно он и вправду был наполовину животным. Всё ложь. Может, и сейчас этот спектакль, чтобы взять дополнительную плату.

– Не глупи, мне не нужны уловки. Я суккуб. Одного моего вздоха достаточно, чтобы ты умоляла о близости. Второго – чтобы ты забыла, для чего меня вызвала. Скажи спасибо, что я не нарушаю условия сделки.

Драмир окинул меня холодным взглядом, и меня вдруг осенило. Он просто насытился и потерял интерес, как обычный мужик, мать его!

– Они уже близко. Как мы поступим? Мне их убить? – нетерпеливо спросил демон.

– Нет, – твердо ответила я. Дымка рассеялась, и снова ощущение, что у меня есть только я и тоскливое чувство потери защиты и поддержки. – Я заплатила слишком высокую цену, чтобы ты отделался парой охотников. Я хочу сравнять с землей всю их организацию. Это мой приказ. Я выведу тебя на них, а ты их уничтожишь.

Драмир слушал удивленно.

– Сколько в тебе гнева? Мне казалось, я забрал почти весь...

– Не поверишь, я всё еще готова жечь мир. И ты мой факел, хочешь ты этого или нет. Соблюдай договор, – процедила я холодно сквозь зубы.

На этих словах я надавила на него своей силой, его голова склонилась. Еще бабушка говорила, что ведьмы – единственное, что может защитить людей от демонов: изгнать из их тел, не дать войти в мысли. И вот благодарность людей – охотники.

– Тогда борись, звига. Не сдавайся без боя. Они не должны ничего заподозрить, – сказал Драмир голосом демона, таким чужим и таким близким, до боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.